

Сарсекеева Н.К.

**Специфика философского
дискурса прозы Т. Абдикова
и Х. Адибаева**

В статье рассматривается специфика философского дискурса произведений современных казахстанских писателей Т. Абдикова и Х. Адибаева. Одной из его особенностей является использование сюжетной ситуации «человек у зеркала», по выражению М.Бахтина. Утверждается, что присутствие исповедальных мотивов экзистенциального характера, акцентирование пограничных ситуаций в духовной сфере героев ведет к расширению ирреального пространства. Результаты проведенного исследования показали, что анализ художественного дискурса произведений современной интеллектуально-философской прозы необходимо проводить в рамках диалога национальной литературной традиции «искателя истины» и достижений мирового литературного процесса. Отчетливо выраженное стремление к концептуальному осмыслению действительности, связь прошлого и настоящего отличает дискурс писателей Казахстана. Результаты наблюдений убеждают, что столкновения «голосов» на всех уровнях текста – сюжетном, фабульном и стилистическом, позволяют писателям осуществлять экспликацию новых смыслов путем соотнесения их с уже известными, прояснить отношения автора и читателя как равноправных коммуникантов, выявить скрытые взаимосвязи в пространстве современной культуры.

Ключевые слова: сюжетная ситуация, философский дискурс, автор, исповедь, герой, литературная традиция, мотив, ирреальное.

Sarsekeeva N.K.

**The specificity of philosophical
discourse of prose T. Abdikov
and H. Adibaev**

The article discusses the specifics of philosophical discourse works of two contemporary writers of Kazakhstan – T.Abdikov and H.Adibaev. One of its features is using the story line of «man in the mirror,» according to M. Bakhtin. It is argued that the presence of confessional motifs of existential nature, emphasizing border situations in the spiritual sphere of heroes leads to expansion of the surreal space. Results of the study showed that the analysis of discourse of the works of contemporary intellectual philosophical prose should be carried out through the dialogue of the national literary tradition of the «seeker of truth» and the achievements of the world literary process. A clearly expressed desire for the conceptualization of reality and the relationship of the past and the present distinguish the discourse of writers of Kazakhstan. The results of these observations convince that the clashes of «voices» at all levels of the text – story, fable and stylistics enable writers to carry out an explication of new meanings by relating them to already known, to clarify the relationship of the author and the reader as peer communicators and uncover hidden relationships in the space of contemporary culture.

Key words: plot situation, philosophical discourse, author, confession, hero, literary tradition, motif, surreal.

Сәрсекеева Н.Қ.

**Т.Абдіков және Х.Әдібаев
прозасының философиялық
дискурс өзгешелігі**

Мақалада бүгінгі Қазақстан жазушылары Т.Әбдіков пен Х.Әдібаевтың философиялық дискурс ерекшелігі қарастырылады. Оның өзгешелі М.Бахтин тұжырымдағандай «айна алдындағы адам» сюжеттік желісін пайдалануы болып табылады. Экзистенциалды сипаттағы ішкі сезімдер сарынының болуы, кейіпкерлердің рухани санасындағы шектеулі жағдайына назар аударуы, ирреалды кеңістіктің кеңеюіне әкеледі деген түсінік бар. Жүргізілген зерттеулер нәтижесі қазіргі интеллектуалды-философиялық прозадағы көркемдік дискурстық шығармаларға талдау «ақиқат жаршысы» ұлттық әдеби дәстүр диалогы мен әлемдік әдебиет процесінің жетістігі аясында жүргізуді қажат ететіндігін көрсетті. Ақиқатты концептуалды қорытындылауға талпынудың айқын көрінісі, кешегі мен бүгіннің байланысы Қазақстан жазушылар дискурсын ерекшелендіреді. Жүргізілген бақылаулар нәтижесі мәтіннің барлық – сюжеттік, фабулалық және стильдік деңгейінде «дауыстардың» тоғысуы, қаламгерлердің жаңа мағынаны ескі белгілі бағыттармен сәйкестендіре отырып сипаттауға, автор мен оқырман арақатынасын тең дәрежелі коммуниканттар ретінде айқындап, сонымен қатар бүгінгі мәдениет кеңістігіндегі астарлы байланыстарды анықтауға мүмкіндік береді деген ұйғарымға әкеледі.

Түйін сөздер: сюжеттік жағдай, философиялық дискурс, автор, кейіпкер, әдеби дәстүр, сарын, ирреалды.

УДК 82-31

Сарсекеева Н.К.,

к. ф. н. доцент Казахского национального университета
им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан,
e-mail: sarsekeeva1403@inbox.ru

**СПЕЦИФИКА
ФИЛОСОФСКОГО
ДИСКУРСА ПРОЗЫ
Т. АБДИКОВА И
Х. АДИБАЕВА**

В литературе Казахстана периода независимости появляются новые эстетические ориентиры и формы, обновляется художественная парадигма сюжетно-образных структур, в которых усиливается интеллектуально-философская составляющая художественного дискурса. В последние десятилетия отечественные писатели все чаще обращаются к героям с незаурядным личностным потенциалом, находящимся в кризисных ситуациях и обстоятельствах. Нередко главные персонажи художественных произведений очень близки их авторам по ряду параметров духовно-бытийного плана (роман-диалогия А.Нурпеисова «И был день...И была ночь...», романы Р. Сейсенбаева «Если хочешь жить», Т. Абдикова «Разума пылающая война», М. Магауина «Раздвоение», «Созвездия близнецов» Х. Адибаева и др.).

Что же объединяет главных героев этих писателей, столь разных и по художественной манере, и по своему жизненному и писательскому опыту? На наш взгляд, общим для них является сходство сюжетных ситуаций, в которых они находятся, и, в частности, феномен ситуации «*одиночество среди толпы*», актуальный во все времена и неизбежно проявляющийся в реалиях бытия творческих личностей. Так, М.М.Бахтин дал следующее определение данной ситуации: «*Когда человек в искусстве, его нет в жизни, и обратно*» [1, 207]. Напомним: бытие – это категория, обозначающая прежде всего существование, бытие – в – мире, данное бытие. В онтологии это выражается предложением «Я есть», что подчеркивает сопричастность бытию и отождествленность с ним, как указывает М.М.Бахтин [1, 208].

К сожалению, из поля зрения казахстанских исследователей современной литературы порой ускользает исторически сложившаяся традиция изображения «искателя истины», выражающаяся в художественной парадигме личности героя, его стремительно меняющемся духовно-интеллектуальном потенциале и нередко связанным с этим одиночеством. В связи с этим очевидна необходимость системного литературоведческого исследования и методики, основные положения которых позволили бы адекватно оценить специфику творческих устремлений современных авторов в рамках общности произведений интеллектуально-философской прозы, уточнение репре-

зентативных форм феномена одиночества. При осмыслении его литературой в свое время возник даже особый жанр – жанр исповеди, самоотчета, «личного дневника», манифестирующих, по М.Бахтину, ситуацию «человек у зеркала» [1, 240]. В литературе прошедших веков ситуация «человек у зеркала», презентованная в форме дневника, нередко использовалась в качестве психологической характеристики героя. Что касается исповеди, помимо повествования автобиографического характера, исповедальными считаются также любые высказывания (устные и письменные), в которых литературные герои, обращаясь к собеседнику или воображаемому адресату, откровенно, искренне раскрывают свой внутренний мир.

Необходимо также уточнить понятие дискурса с учетом данных современной филологической науки. Напомним, что теория дискурса возникла как одно из основных направлений философии постмодернизма, объединяющих в себе философию языка, семиотику, современную лингвистику (включая структурную и психолингвистику), когнитивную социологию и когнитивную антропологию. В результате термин «дискурс» (фр. discours, англ. discourse) появился и приобрел популярность в ряде гуманитарных наук, предмет которых прямо или опосредованно предполагает изучение функционирования языка. Создание термина на стыке многих наук послужило причиной наличия у него столь ярко выраженной полисемии. Так, в совместной работе неоструктуралистов А. Греймаса и Ж. Куртэ «Семиотика. Объяснительный словарь теории языка» рассматриваются одиннадцать употреблений понятия «дискурс». При этом текст противопоставляется дискурсу и выступает как высказывание, актуализированное в дискурсе, как продукт, как материя, с точки зрения языка, тогда как дискурс есть процесс [2, 389]. Похожее разностороннее понимание дискурса объединено также в близкой нам дефиниции Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова, которые трактуют термин «дискурс» как «*сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста*» [3, 8].

Творчество Т. Абдикова, родившегося в 1942 году, известного писателя и драматурга, рассматривается критикой в русле авангардного направления. Его произведения представляют собой сложную, интеллектуально-философскую, напряженную прозу с глубоким проникновением в

метафизический, трансцендентный мир. Вечная борьба добра и зла, света и тьмы в мире и душе отдельного человека, трагические коллизии человеческой жизни, влекущие ее отчужденность от общества и «расслоение» сознания... Не случайно повесть «Разума пылающая война» в 2004 г. была удостоена европейской премии имени Франца Кафки – австрийского писателя XX века, «отца» всех новейших литературных направлений и течений. Взаимосвязь и взаимопроникновение добра и зла, «зло как добро» и «добро как зло» – такова «формула» Кафки.

В качестве эпиграфов к повести Т. Абдикова взяты строки из известного монолога шекспировского Гамлета «*Быть или не быть – вот в чем вопрос...*» и фраза из знаменитого романа американского писателя Роберта Пенн Уоррена «*Вся королевская рать*»: «*Ты должен делать добро из зла, потому что его больше не из чего сделать*». Таким образом, оба эпиграфа нацеливают читателя на определенные рефлексии: колебание, сомнение в мировой гармонии, понимание относительности граней между добром и злом в эпоху «вывихнутого Времени» (Шекспир), осознание разрыва связей с прежним собой, со всем миром прежних представлений, с прежней верой. В этой повести Т. Абдикова утверждает собственную манеру в изображении реальности: изображение действительности через «раздваивающееся» сознание персонажа, без какого-либо авторского комментария, использует дневниковую форму повествования. Дневники принадлежат давнему знакомому автора-повествователя, врачу, который с молодости отличался какой-то «интеллигентной хрупкостью телосложения», «нездесьностью» на фоне своих жизнерадостных, шумных друзей. «*В компаниях, во время застолья, он сидел в сторонке, предпочитая отмалчиваться... Окружающие относились к нему как-то по-особенному, излишне деликатно, словно к гостю-иностранцу*» [4, 10]. Дневники героя, состоящие из нескольких тетрадей, только в самой последней содержат смутные контуры его судьбы, связанные, в частности, с пребыванием в психиатрической лечебнице. Очень подробно представлена «переписка» с неким «незнакомым сверстником» и ощущения героя, помимо своей воли вовлеченного в данный процесс. Обращает на себя внимание замечание повествователя: «*Похоже, что автор записок все же предполагал: когда-нибудь они попадут в чьи-то руки и привлекут внимание другой души*» [4, 14]. В повести отчетливо выражены мотив непостижимости тайн бы-

тия, мотив «великой безответности мира». Немаловажную функцию имеет сновидения героя, в частности, сон об отрубленной голове. Героя начинает мучить страх самого себя, ощущение чуждости, «посторонности» самому себе (вспоминается в этой связи опыт А. Камю в романе «Посторонний»). В «пылающей войне разума» за постижение Истины нет места для художества и украшательства: «сурова, жестока эта война, идущая во всех краях земли, во всех пределах человечеств. Это самая опасная война!» [4, 58]. «Незнакомый коллега», то и дело подбрасывающий автору дневника собственные записки с размышлениями о неразделимости добра и зла, убежден в неискоренимости зла и даже его необходимости в отличие от автора дневника, человека с традиционными гуманистическими убеждениями. Мысль о плене предрассудков и пагубной роли неверно выбранных ориентиров весьма близка казахскому писателю: «Наше сознание нуждается в раскрепощении. Необходима духовная свобода... Свобода внутри человека, в его сознании. А достигается она только через духовное совершенство!... Лишь ставя себе недостижимые цели духовного совершенства, человечество способно расширить горизонты своих возможностей» [4, 59].

Повествование Т. Абдикова отличается интertextуальной насыщенностью, включающей в себя литературные и философские коды различных авторов: Бодлер, Достоевский, ницше, восточная философия, взаимодействие *Инь и Ян*... Беседа героя с врачом убеждает в многочисленности и широкой распространенности в мировой истории примеров «раздвоения личности» – настоящей «эпидемии», обрушившейся на человечество. Автор убежден: главная причина всеобщего духовного распада – власть всемогущего, непреодолимого, необузданного «Я», которое, по его мнению, всегда безнравственно. Живущие под его властью всегда несчастны, хоть и кажутся счастливыми.

Большое значение в повести казахского писателя имеют также мотивы тени и оборотничества («врачиха», буквально преображающаяся на глазах героя, рассуждения «незнакомого сверстника» о невозможности сохранения в себе изначальной ангельской чистоты и непорочности – «Словно Фауст мы продали целомудрие Дьяволу. И только изредка раздается в наших душах горький плач младенческой чистоты, тоска по ней. Но ее нет в этой грешной жизни». В качестве немаловажных граней феномена одиночества выступают безумие и смерть как зна-

ки опыта, разрушающего привычные установки сознания. Тема безумия как знака отверженности от окружающего мира проходит красной нитью через всю повесть, «знаки мира иного» отчетливо представлены и в финальных эпизодах, когда герой близок к суициду – иллюзии свободы от окружающей реальности. Ряд многозначных деталей рождает еще более отчетливое ощущение ирреальности. Герой Т. Абдикова изо всех сил пытается сохранить угасающий «миг человеческой надежды» во имя спасения своей души. Казахский писатель, размышляя о миссии художника в переломную эпоху, убеждает: художник, стремясь к совершенству в своем творчестве, ясно отдает себе отчет в том, что оно недостижимо. Но благодаря неистовой устремленности к этой цели, творцам удается создать прекрасные произведения искусства: «Лишь... ставя себе недостижимые цели духовного совершенства, человечество способно расширить горизонты своих возможностей» [4, 60]. Отчетливо выраженное стремление к концептуальному осмыслению действительности, связи прошлого и настоящего всегда отличало творческие устремления писателей Казахстана. В казахстанской словесности по-прежнему прочны глубокие традиции евразийской ментальности, связанные с неприемлемостью разделения народов на «своих» и «чужих».

Не случайно в «романе-откровении» Хасена Адибаева «Созвездия близнецов» [5] автор представлен одновременно в нескольких ипостасях: рассказчик, лирический герой, скриптор (Р. Барт), повествователь, философ, собиратель истин и даже врач (как он себя именует). Читатель может наблюдать не только перевоплощение автора в героев различных эпох и народов, но и свободное перемещение авторского сознания из эпохи Древнего Египта во времена Великой Французской революции. Обнаруживается сходство образов Марата и Робеспьера с образами бунтарей Древнего Египта, которых объединяет «вечная мечта о Мессии – освободителе, справедливом правлении». Как «две великие утопии» рассматриваются социализм и коммунизм, явленные в результате исторического «рывка». А спустя более 70 лет – новый переворот: «91-й год перевернул мир...» [5, 24]. В повествовании обнаруживаются поэтические вставки из Абая и Рудаки, произведений казахского устного народного творчества, цитаты и аллюзии из произведений мировой литературы, архаичная и современная лексика. Выбор подобной авторской стратегии обусловлен замыслом – подняться от

конкретных ситуаций до высот глобальных общечеловеческих обобщений, дать определенный прогноз развития человечества. Примечательно, что автор (он же и лирический герой, и скриптор, «человек у зеркала», по М.Бахтину) выступает как гражданин мира, космополит, что достаточно ново для творческой манеры Х. Адибаева. Литературной новацией для казахской прозы стало также введение пласта сидхи – древнеиндийской медитационной практики. Не случайно герой – мальчик, не связанный никем и ничем, вдруг обретает крылья и летит, обозревая весь мир. Так совершается экзистенциальный «выход» автора и героя в некое трансцендентное пространство.

Как убеждает проведенный краткий, в силу ограниченности объема статьи, анализ двух произведений, одной из ведущих особенностей

художественного дискурса новейшей казахстанской прозы становится присутствие обостренно-исповедальных мотивов экзистенциального характера, акцентирование пограничных ситуаций в духовной сфере героев и их взаимоотношений с миром. Если персонажи Х. Адибаева еще связаны с историческим прошлым своими рефлексиями на подсознательно-интуитивном уровне, сохраняют в себе память истории своего рода, то у Т. Абдикова наблюдается устойчивая тенденция к деструкции героя. В заключение отметим, что анализ специфики дискурса произведений современной интеллектуально-философской прозы Казахстана необходимо вести в рамках диалога устойчивой национальной литературной традиции «искателя истины» и достижений мирового литературного процесса.

Литература

- 1 Бахтин М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
- 2 Греймас А.-Ж. Семиотика: Объяснительный словарь теории языка / А.-Ж. Греймас, Ж. Курте / Пер. с фр. В.П. Мурат // Семиотика: антология / Пер. с англ., фр., нем. яз.; сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова; комментарии Ю.С. Степанова и Т.В. Булыгиной. – М.: Радуга, 1983. – 635 с.
- 3 Караулов Ю.Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю.Н. Караулов, В. В. Петров // Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. / Пер. с англ. / Сост. В.В. Петров / Под. ред. В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5–11.
- 4 Абдиков Т. Разума пылающая война. Предисловие и перевод А. Кима // Дружба народов. – 2007. – № 6. – С. 10–43.
- 5 Адибаев Х. Созвездия близнецов (сокровенное и таинственное): Роман-откровение. – Алматы: Атамұра, 2004. – 184 с.

References

- 1 Bahtin M. Avtor i geroj: K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk. – SPb.: Azbuka, 2000. – 336 s.
- 2 Grejmas A.-ZH. Semiotika: Ob»yasnitel'nyj slovar' teorii yazyka / A.-ZH. Grejmas, ZH. Kurte / Per. s fr. V.P. Murat // Semiotika: antologiya / Per. s angl., fr., nem. yaz.; sost., vstup. st. i obshch. red. YU.S. Stepanova; kommentarii YU.S. Stepanova i T.V. Bulyginoj. – M.: Raduga, 1983. – 635 s.
- 3 Karaulov YU.N. Ot grammatiki teksta k kognitivnoj teorii diskursa / YU.N. Karaulov, V. V. Petrov // Dejck T.A. van. YA-zyk. Poznanie. Kommunikaciya. / Per. s angl. / Sost. V.V. Petrov / Pod. red. V.I. Gerasimova. – M.: Progress, 1989. – S. 5–11.
- 4 Abdikov T. Razuma pylayushchaya vojna. Predislovie i perevod A. Kima // Druzhiba narodov. – 2007. – № 6. – S. 10–43.
- 5 Adibaev H. Sozvezdiya bliznecov (sokrovennoe i tainstvennoe): Roman-otkrovenie. – Almaty: Atamұra, 2004. – 184 s.